

Когда императорский указ достиг Сицзяна, в столице замерли в ожидании возвращения наследного принца. Стоило вести о приближении Цзи Ло достичь столичных ворот, как город вновь погрузился в привычное спокойствие. Смятение и хаос, царившие здесь во время его таинственного исчезновения, мгновенно рассеялись, словно их никогда и не было.

Тем временем Хан Сиэнь продолжал сказываться больным и не являлся на утренние приёмы. Впрочем, и раньше он не отличался усердием: являлся во дворец раз в две недели, устраивал знатную взбучку кому-нибудь из чиновников, а потом на полмесяца пропадал под предлогом отдыха. Но на этот раз всё было иначе. Хан Сиэнь перестал посещать совет после открытой размолвки с императором. Прошёл почти месяц, а его мнимая болезнь так и не отступала. Для придворных, которых маркиз некогда публично растоптал на глазах у государя, это стало долгожданной отдушиной. Они наперебой нашептывали владыке о неслыханной дерзости фаворита. Как смеет простой подданный из-за упрямства оказывать давление на самого императора? Это не просто гордыня, это прямой бунт и неуважение к престолу!

Чиновники не упускали случая уколоть Хан Сиэня при каждом удобном случае. Они упорно сеяли семена сомнения в душе государя, надеясь, что рано или поздно эта заноза разрастётся настолько, что император лишит упрямого маркиза своего покровительства. Чувства императора к Хан Сиэню были сложными. Он и сам понимал, что юноша перешёл черту, однако, глядя на лицо, как две капли воды похожее на ушедшего Ван Ина, не находил в себе сил для гнева.

И когда на очередном совете кто-то вновь заговорил о дерзости маркиза Вечного Покоя, император лишь холодно оборвал оратора:

— Хан Сиэнь слаб здоровьем с самого детства. С чего вы взяли, будто он делает это из злого умысла?

После столь явного заступничества вельможи поняли: свергнуть фаворита сейчас не удастся. Уловив в голосе правителя крайнее раздражение, они поспешили закрыть эту тему.

Не преуспев с Хан Сиэнем, чиновники переключились на дела его семьи. Кто-то осторожно поинтересовался, какова будет участь мятежного Поместья герцога Хань. Члены этой семьи томились под стражей за тайный сговор с пятым принцем и попытку покушения на жизнь наследного принца. Каждое из этих деяний каралось смертью, и по закону их давно следовало обезглавить у Полуденных ворот. Однако род герцогов Хань брал начало со времён основания династии великим предком и всегда пользовался особыми привилегиями. К тому же император, бросив их в темницу, хранил молчание. Судейские чины из Министерства юстиции не решались применить к ним пытки, но и поблажек, разумеется, не давали. В министерстве давно ждали окончательного решения, чтобы закрыть это тягостное дело.

Выслушав доклад, император на мгновение задумался, а затем сухо обронил, что этот вопрос обсудят позже, и перешёл к другим делам. Придворные решили, что государь вновь щадит преступников ради своего любимца, и мысленно записали эту обиду на счёт Хан Сиэня.

Больше всех из-за участи опального семейства изводил себя страхом помощник министра доходов Чжао Куань. Он-то полагал, что породнился с могущественным кланом, но не успели высохнуть чернила на брачном договоре, как герцогский дом пал, а новоиспечённый зять оказался за решёткой. Чжао Куань ничуть не сочувствовал судьбе собственного сына-гэера, Чжао И. Его терзало лишь горькое сожаление о том, что в своё время он не выдал Чжао И за Хан Сизня. Теперь же его до смерти пугала мысль о том, что гнев государя падёт и на его голову. На заседаниях он сидел тише воды, ниже травы, втайне мечтая лишь о том, чтобы Чжао И поскорее испустил дух в темнице и избавил семью от позора.

Вторая супруга подсказала ему выход: вычеркнуть Чжао И из семейного реестра или, воспользовавшись связями, добиться свидания в тюрьме, чтобы заставить его подписать развод с Хан Юэвэнем. Стоило вернуть юношу в отчий дом, как его тут же сослали бы в заброшенный горный монастырь. Так связь между семейством Чжао и домом Хань была бы разорвана. А там, в глуши, изнеженный гэер долго не протянул бы и тихо угас от тягот, избавив отца от лишних хлопот.

Чжао Куань нашел это предложение весьма заманчивым. Теперь, когда некогда великие Хани лишились всех титулов и превратились в простолюдинов, а род Чжао сохранял чиновничий статус, подобный шаг выглядел бы вполне оправданным. Однако осуществить задуманное не удалось. Чжао Куань всё же добился свидания, но стоило ему заикнуться о разводе, как госпожа Лю осыпала его яростными проклятиями.

Слухи об этом визите дошли до ушей императора. Государь лишь усмехнулся:

— Помощник министра Чжао — человек удивительно гибких чувств. С каким рвением он вымаливал этот брак у герцога Ханя, и как быстро его любовь к новой родне улетучилась.

Когда эти слова передали Чжао Куаню, его сердце сковал ледяной ужас. Ослеплённый страхом перед опалой, он совершенно позабыл, что государь презирал подобных приспособленцев. К тому же не стоило сбрасывать со счетов Хан Сизня, в чьих венах тоже текла кровь дома Хань. Осознав, какую глупость совершил под влиянием речей супруги, Чжао Куань затаил на неё глубокую обиду.

Все эти сплетни и столичная суэта, разумеется, долетали и до ушей Хан Сизня. Выслушивая их, маркиз оставался безучастным. Он знал, что мнительные сановники в очередной раз заблуждались: император медлил с приговором его бывшей семье вовсе не из милости к фавориту. Государь желал, чтобы окончательное решение принял наследный принц Цзи Ло по возвращении. Похоже, пережив потрясение от исчезновения сына на поле боя, император начал всерьёз задумываться о постепенной передаче власти. Впрочем, Хан Сизнь не собирался ни с кем делиться своими догадками — да и некому ему было открывать душу. Дворцовые интриги его не волновали; он проводил дни в тишине своего двора, не меняя привычного уклада жизни.

Столичные жители вели строгий подсчёт дней до прибытия наследника, однако кортеж Цзи Ло двигался неспешно, то и дело делая остановки под предлогом нездоровья принца. Кое-кто из завистников усмотрел в этом желание погреться в лучах славы, собирая восторги простонародья и подобострастные речи провинциальных чинуш. Нашлись вельможи, решившие донести эти подозрения до ушей императора. Однако государь, прекрасно знавший нрав своего сына, в гневе обрушился на жалобщиков, обвинив их в умышленном разжигании вражды между отцом и наследником престола. После столь сурового нагоняя перепуганные до смерти жалобщики замолчали, а император, устав от пустых наветов, отправил их в бессрочный отпуск «поправлять здоровье». Но как бы ни затягивался путь, кортеж принца наконец достиг столичных стен.

В день торжественного въезда наследника в столицу вся придворная знать выехала к городским окраинам для встречи. Хан Сиэня среди них не оказалось.

Цзи Ло, скользнув взглядом по рядам встречающих, мысленно вздохнул, сочувствуя находившемуся в задней карете Бай Шу. Когда они с генералом Бай Вэньханем получили приказ о возвращении, больше всего их тревожило состояние едва пришедшего в себя юноши. Очнувшись, Бай Шу только и грезил о возвращении в столицу, и оставить его на границе было невозможно. Вопреки строгим срокам императорского указа, Цзи Ло сознательно затянул отъезд на несколько дней, чтобы дать раненому окрепнуть, а затем велел везти его в закрытом экипаже. В пути они двигались с величайшей осторожностью, избегая ночёвок в диком поле и останавливаясь лишь в благоустроенных постоялых дворах. И вот, когда они наконец оказались дома, того, кого Бай Шу жаждал увидеть больше всего, здесь не оказалось. Цзи Ло гадал, насколько глубоко будет разочарование юноши, машинально жестом повелевая коленопреклоненным вельможам подняться.

Не успев сбросить боевые доспехи, Цзи Ло вместе с отличившимися военачальниками, среди которых был и генерал Бай Вэньхань, предстал перед императором. Государь остался доволен победами Бай Вэньхана. По правде говоря, если бы не позорная тайна его покойного брата Бай Цзюня со Вдовствующей императрицей, император всегда относился бы к способному офицеру с должным уважением. Недаром в своё время он лично возвёл его в чин генерала. Правитель щедро осыпал победителей наградами, соразмерно их ратным подвигам, продвинув многих по службе. Однако, когда очередь дошла до Бай Вэньхана, император ограничился лишь золотом и серебром, не наградив его новым чином. В глазах придворных эта награда выглядела скупой, но сам генерал испытал лишь глубокое облегчение.

С того дня, как в лагере сорвали маску с Хан Сиэня, обнажив его поразительное сходство с покойным Императорским благородным супругом, Бай Вэньхань не находил себе места от тревоги. Чувства его младшего брата к маркизу, какими бы безответными они ни оставались, могли стать для императора новой болезненной занозой. Эта тайна в сочетании со старыми грехами Бай Цзюня легко могла швырнуть их семью в пучину неминуемой гибели. И всё же, терзаясь сомнениями, генерал не решился запереть Бай Шу в провинции. Тот факт, что государь, пускай и не жалуя его, не стал прибегать к гонениям, казался Бай Вэньханю величайшей милостью.

Наследный принц не стал оспаривать волю отца. Приняв приглашение на вечерний пир в честь победителей, он вместе со свитой покинул тронную залу. Провожая взглядом откланявшегося у дворцовых ворот генерала, Цзи Ло мысленно пообещал себе, что со временем вернёт верному

соратнику всё, чего тот заслуживает. Не подозревая о планах наследника, Бай Вэньхань спешил домой, тревожась о состоянии брата.

Прежняя усадьба семейства Бай была конфискована казной, а звание генерала приостановлено, поэтому братья устроились в скромном доме, заранее подготовленном для них слугами принца. Понимая, что вскоре ему вновь предстоит отбыть на охрану рубежей, Бай Вэньхань не стал чиниться и принял гостеприимство. Однако дома младшего брата он не застал. Слуги доложили, что юноша, преодолевая слабость, уехал на встречу со старым другом. Генералу не нужно было называть имён. Повинуясь первому порыву, он хотел было броситься следом, но вовремя остановил себя. Тяжело вздохнув, он покачал головой и медленно направился в свои покои.

В это самое время Бай Шу уже стоял перед Хан Сиэнем. На этот раз он не стал испытывать судьбу и вошёл открыто, через парадные ворота, дождавшись, пока слуги доложат о его визите. Прежде он непременно воспользовался бы своим искусством лёгкости и перемахнул через забор, но стрела, едва не лишившая его жизни, отняла у него прежнюю прыть. К тому же он слишком хорошо помнил, как Хан Сиэнь на границе холодно предостерёг его от дешёвых уловок со страданиями и ранами. Посему юноша решил поступить как приличный гость. К его облегчению, после короткого ожидания его впустили.

Изнурительная болезнь и долгая дорога наложили на него свой отпечаток: щёки впали, а кожа казалась нездорово-бледной. Но стоило ему увидеть стоявшего посреди двора Хан Сиэня, как лицо его озарилось счастливой улыбкой.

— Хан Сиэнь, я вернулся, — негромко произнёс он.

<http://bllate.org/book/20088/2002113>